

ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ

ДЭВИД ЛЕЙН,

профессор Кембриджского университета,
Великобритания

Элиты, классы и гражданское общество в период трансформации государственного социализма

Abstract

The main explanatory variables used to analyse the transformation of state socialist societies are elite circulation and renewal. It is contended that, while the transformation may be elite-led, transformation should be analyzed as a revolutionary process promoted by, and favouring, class interests. It is hypothesised that the transformation of the post-communist countries has involved a process in which endogenous and exogenous class forces have played a major role. The absence of (economic) civil society under state socialism gave rise to a deficient ascendant capitalist class. Viewing capitalism as an international system, political elites acting in the international arena, through an alliance with exogenous elites, activated a move to markets and privatisation. In the post-communist period, class inequality and tension have risen. The weakness of civil society is a consequence of an undeveloped incumbent bourgeois class which in turn limits the effectiveness of class rule. The rapid forms of imposed economic and political change, involving the dislocation of the social structure have weakened the formation of an oppositional class consciousness. The inclusion of counter elites into the political system (the 'elite settlement') ensuring a form of political management represses ideological opposition and further limits the rise of class consciousness.

Наиболее популярным аналитическим инструментом для анализа динамики социальных и политических изменений в процессе перехода от государственного социализма к капитализму всегда была элитарная парадигма, являющаяся характерной особенностью ориентированных на актора теорий. Анализ движущих сил политики системных трансформаций целиком сосредоточился на поведении элит. Вместо обсуждения социальных изменений в контексте классов и революций, "трансформации" рассматривают скорее как последовательность более или менее согласованных договоренностей между акторами, принадлежащими к элитам, в частности пактов, соглашений и конституций.

В посвященной России и Восточной Европе статье Дж.Каллберг, Дж.Гигли и Я.Пакульский весьма однозначно утверждают, что “динамику и траекторию политических изменений в посткоммунистических странах можно практически полностью описать как функцию от структуры и поведения элиты”¹. В целом принято считать, что элиты выражают либо собственные интересы, либо интересы национальных и этнических групп, что и формирует их политическое поведение².

“Соглашения элит” — неотъемлемое условие обеспечения эффективного управления процессом преобразований³. Это утверждение основано на предположении о том, что не-элиты, общественность, массы (рабочие, крестьяне, интеллигенция) не являются достаточно мобилизованными и позволяют элитам достигать своих компромиссов. Со стороны любой контрэлиты требуются модификация артикуляции интересов и сознательная “идеологическая нейтральность”. Это позволяет элитам согласовать основополагающие позиции: контроль собственности, определение гражданства и прав граждан в национальном государстве, путей социальных и политических изменений, приемлемых международных альянсов и связей. То есть элиты приходят на смену классам как движущая сила трансформационных процессов⁴. Более того, политический менеджмент, осуществляемый политическими элитами, означает отсутствие критической классовой идеологии как следствия формирования партий. Партии отстаивают консенсус и притесняют идеологическую оппозицию, препятствуя таким образом росту социальных классов.

На передний план выходит понятие “номенклатурная элита”, ставшее популярным благодаря работе Ольги Криштановской и Стивена Уайта⁵. Номенклатурная элита опирается на ресурсы власти аппарата, преимущественно сконцентрированного в бывшей Коммунистической партии. В посткоммунистический период эти элиты сохранили свою власть благодаря связям (социальному и политическому капиталу) и использованию своих административных должностей для контроля над активами предприятий и учреждений.

При государственном социализме номенклатура была гораздо более широкой по своему масштабу, чем политическая элита, и подпадала под опреде-

¹ *Kullberg J., Higley J., Pakulski J.* Elites, Institutions and Democratization in Russia and Eastern Europe // *Elites and Leadership in Russian Politics*. — Basingstoke; New York, 1998. — P. 107.

² *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. — London; Thousand Oaks, 1996. — P. 147.

³ *Burton M. G., Higley J.* Elite Settlements // *American Sociological Review*. — 1988. — Vol. 52. — P. 295–307; *Higley J., Burton M.G.* The Elite Variable in Democratic Transitions and Breakdowns // *American Sociological Review*. — 1989. — Vol. 54. — P. 17–32.

⁴ Относительно Восточной Европы см.: *Lachmann R.* Agents of Revolution // *Foran J.* Theorising Revolutions. — London; New York, 1997. — P. 78–79. Лахманн рассматривает противостояние между элитами в Восточной Европе (возникновение требований трансформации) как следствие политики Горбачева в СССР. Он не касается предыдущих процессов, в частности в Чехословакии в 1968 году и в Венгрии в 1956 году, а также существенных разногласий в польских элитах задолго до 1980-х годов.

⁵ *Kryshchanovskaya O., White S.* From Soviet Nomenklatura to Russian elite // *Europe-Asia Studies*. — 1996. — Vol. 48. — № 4.

ление “политического класса”¹. По утверждению Г.Моски, понятие политического класса касается “всех групп, имеющих политическую власть или влияние и непосредственно участвующих в борьбе за политическое лидерство; ... внутри политического класса существует небольшая группа, политическая элита, состоящая из лиц, имеющих реальную политическую власть в обществе на данный момент”². Моска допускал появление новых элит, представляющих социальные интересы, и присоединение их к политической элите. Политическая элита — это группа, которая правит от лица политического класса.

Однако политический класс СССР, из которого развилась “номенклатурная элита”, был носителем множества разных интересов, сформировавшихся в результате индустриализации и развития общества. Эти интересы определяли различные концепции направления, в котором должны разворачиваться реформы³. Таким образом, концептуализация Гигли и Пакульского⁴, согласно которой правящая элита социалистического государства определялась в терминах высокого уровня идеологического консенсуса, предполагает сочетание номинального консенсуса с наличием политических разногласий. У политической элиты Горбачева, впрочем, не было консенсуса относительно типа экономики, который можно было бы считать моделью для реформ: в рамках выборки из 116 представителей советской политической элиты больше всего сторонников (15) приходилось на Китай, затем шли Скандинавия (13), Германия (12) и США (11). Большинство (66) не имели страны-образца⁵. Это свидетельствует не о “консенсуальной” политической элите, а скорее о размежевании ее в силу наличия разногласий в видении будущего.

Нельзя отрицать, что политическая элита сыграла важную роль в процессе трансформации. Правящая элита обеспечила согласованную и, насколько это было возможно, управляемую политику развития капитализма и полиархии.

Однако анализ политических элит заслуживает основательной критики. Серьезной проблемой является объяснение того, почему посткоммунистические реформаторские политические элиты единодушно восприняли идеологию и политику рынка, частной собственности и многопартийной демократии. Уайт и Криштановская не говорят, почему “номенклатурная элита” трансформировалась во властную элиту, стремившуюся изменить параметры системы государственного социализма. Почему было не ввести систему регулируемого государством рынка, оставив собственность в руках

¹ **Политический класс** — это группа людей, отличающаяся: 1) реальной или потенциальной политической властью, 2) осознанием собственных политических целей, 3) кадровым составом как из одного, так и из разных социальных классов, 4) унитарным (в плане строгих рамок для дискуссии) или плюралистическим характером.

² *Bottomore T. Elites and Society. — S.L., 1993. — P. 7.*

³ Я эмпирически обосновал эти взгляды в другом месте, а здесь лишь кратко резюмирую их. См.: *Lane D., Ross C. The Transition from Communism to Capitalism. — N.Y., 1999.*

⁴ *Higley J., Pakulski J. Elite Transformation in Central and Eastern Europe // Australian Journal of Political Science. — 1995. — Vol. 30. — P. 1–29.*

⁵ Подробнее см.: *Lane D. Elite Cohesion and Division: Transition in Russia // Higley J. et al (eds). Post Communist Elites and Democracy in Eastern Europe. — Basingstoke, 1998. — P. 87.*

государственных корпораций, как в Китае? Я утверждаю, что классовый подход к трансформации объясняет, почему возникло такое движение.

Элиты встроены в структуры власти, и правящие или властные элиты зависят от поддержки групп интересов, контролирующими стратегические секторы и ресурсы общества. Элитарный подход, предложенный Гигли с коллегами, концентрирует внимание скорее на условиях, при которых должен образоваться стабильный консенсус элит как фактор политической стабильности, а не на объяснении того, почему на руинах государственного социализма следовало строить капитализм. Что нам может дать классовый анализ?

Проблемы классового объяснения системных трансформаций

До сих пор в работах в области общественных наук ведущая роль в процессе изменения общественного строя отводилась классам¹. В конце XX века подобные подходы если и не исчезли, то утратили свое влияние. В общественной и политической литературе социальный класс как главная движущая сила социальных изменений “умер” и как объяснительный фактор трансформации, и как политический актор в развитых странах Запада.

Отсутствие классового анализа в серьезных теоретических исследованиях “перехода от коммунизма” вытекает из двух основных допущений. Первое касается специфической “бесклассовой”² структуры государственного социализма, о чем идет речь как в теориях тоталитаризма, так и в марксистской идеологии (включая марксизм-ленинизм и критический марксизм). “Гражданского общества”, сформированного в капиталистической системе, не было, и это препятствовало развитию социальных классов и политической координации через парламенты. Второе допущение заключается в том, что в постиндустриальном обществе класс все больше теряет смысл и как форма идентификации, и как объяснительный концепт. Разумеется, в обществе без социальных классов не может быть управляемых классами социальных изменений.

В рамках тоталитаристской парадигмы, под влиянием которой написано немало работ на Западе (а в посткоммунистических странах — еще больше) по вопросам государственного социализма и его трансформации, социальная система считается социально недифференцированной и в социологическом понимании “бесклассовой”. Тоталитаризм покончил с классами, заменив их недифференцированными массами. Классы как форма единства перестали существовать из-за атомизации общества. Согласно Ричарду Роузу и его коллегам, “коммунистическое правление ... ограничило роль традиционных социальных структурных составляющих”. Более того, не-

¹ Пожалуй, наиболее авторитетной в этом плане является работа Баррингтона Мура “Социальные истоки диктатуры и демократии” (*Barrington Moore Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World.* — London, 1967). Среди других авторов марксистской традиции следует вспомнить Мориса Доба, Родни Хилтона и Пола Свизи.

² Согласно тоталитарному синдрому, формированию классов помешала тоталитарная политическая элита, а согласно марксизму — отсутствие частной собственности и рынка труда.

ожиданно ставшие явными рыночные силы помешали формированию классового сознания. Таким образом, “классовое чутье остается слабым”¹.

В свою очередь, сторонники марксизма тоже, пожалуй, по иронии судьбы, маргинализируют интересы классов. Марксизм-ленинизм считал общество советского типа бесклассовыми из-за отсутствия частной собственности и конкуренции капиталов; тогдашняя классовая структура была принципиально “неантагонистической”. Западные “критические марксисты”² определяют правящий слой в терминах административного контроля; по характеру он скорее бюрократический, нежели экономический. Таким образом, бюрократическая должность обеспечивала экономические привилегии, однако не давала права собственности на средства производства и распоряжения активами в пределах семей — а именно это обеспечивает воспроизводство капитализма³. Многие критики, принадлежащие к кругам западного марксизма, стали обращаться к модели правящей элиты и народных масс. В итоге марксисты не могут рассматривать динамику воспроизводства капитализма в терминах классов.

Для западной политологии и социологии “гибель класса” как формы социальной идентификации — не новость⁴. Упадок класса в свое время связывали с развитием постиндустриальных политических теорий. При этом утверждалось, что эрозия первичных отраслей экономики и огромное сокращение работающих в индустрии массового производства привели к декомпозиции рабочего класса, а значит, и базиса классового сознания, характерного для раннего индустриализма. В постиндустриальном обществе, основанном на знаниях и технологиях, сформировалось потребительское общество, в котором фокус идентификации переместился на статусные группы, а ареной политического конфликта оказались гендерные, этнические и региональные вопросы.

Эти подходы также были связаны с разработкой и применением теорий элит к анализу трансформаций. Однако социальные классы требуют определения и анализа, именно исходя из особенностей общества государственного социализма и глобального доминирования капиталистического класса.

Определение классовых интересов

Социальный класс можно определить как группу людей, имеющих равные жизненные шансы по своему отношению к рынку и собственности. Социально-классовый анализ трансформаций должен базироваться на взаи-

¹ Ost D. Labor, Class and Democracy // Crawford B. (ed.). Markets, States and Democracy. — Boulder, s.a. — P. 182; Rose R., Tikhomirov E., Mishler W. Understanding Multi-Party Choice // Europe-Asia Studies. — 1997. — Vol. 49. — P. 807.

² Большое влияние на критическую мысль оказал Троцкий, в частности его работа “Преданная революция” (см.: Trotsky L. The Revolution Betrayed. 1945. — P. 248).

³ Такие общества не были государственным капитализмом, поскольку не имели классов, определяемых на основании “своего положения в социально-экономической системе, прежде всего — по отношению к средствам производства” (там же. — С. 248–249).

⁴ См. эссе Роберта Нисбета, написанное в 1959 году (Nisbet R.A. The Decline and Fall of Social Class // Pacific Sociological Review. — 1959. — Vol. 2. — P. 11–17).

модействии трех классовых групп: двух эндогенных¹ для государственного социализма (административный класс и “приобретающий класс”) и одной экзогенной — глобальный капиталистический класс.

Административный класс формировался из людей, непосредственно контролировавших средства производства (экономические министерства, государственные комитеты и руководство крупных предприятий) и институты воспроизводства (образование и наука). Реформационная стратегия административного класса со временем изменялась в зависимости от политических предпосылок изменений. Сначала он поддерживал переход к рынку в рамках государственного социализма (подобно рыночным реформаторам в Китае). Одним из важнейших последствий этой позиции было то, что государство должно было сохранять власть и контроль над экономической собственностью, а значит, не было заинтересовано в утверждении представительских (полиархичного типа) институтов, поскольку они стали бы требовать прав на индивидуальную собственность, а также гражданского общества, угрожая гегемонии государства. Механизмы координации должны были оставаться в руках (обновленного) государственного аппарата и базироваться на управляемых коммунистической партией институтах, работающих в условиях ограниченных рынков. Другие члены этого класса в период государственного социализма отличались латентным радикализмом и ожидали удобного случая, чтобы расширить административный контроль над средствами производства до границ частной собственности. Таким образом, они поддерживали ослабление Советского государства, в частности централизованной формы контроля и планирования. Аналогичные настроения были очень сильны в Польше и других Центральноевропейских странах. Гжегож Колодко, например, показал, что группы в рядах оппозиции поддерживали “реформы”, которые должны были привести к экономическому упадку “и в итоге обусловили падение социалистического порядка”². Это был латентный восходящий класс. Но если этот класс был латентным, тогда какая же группа форсировала радикальные реформы?

Как отмечает Эрнест Мандел, общества советского типа были буржуазными по распределению потребительских благ, что повлекло за собой возникновение того, что я назвал “приобретающим классом”. Этот социальный класс отличался настоящей и потенциальной заинтересованностью в улучшении своего положения путем эксплуатации индивидуальных “активов умений и навыков” при рыночной системе. Характерными особенностями этого класса были образовательный уровень и профессиональные навыки.

Представители “интеллигенции”, как и квалифицированные рабочие, были *потенциально* привилегированным слоем в плане места на рынке. Более того, при государственном социализме они оказались в невыгодном положении из-за зависимости от административного класса, под контролем которого находился рынок труда (другими словами, мобильность занятости не была конкурентной, а дифференциация доходов была относительно

¹ Другая классовая группа состояла из массы населения, занятого ручным и неквалифицированным неручным трудом с относительно небольшими доходами и руководящими полномочиями. Они почти не влияли на формирование стратегии реформ.

² Так называемая политика “чем хуже, тем лучше” (*Kolodko G. W. From Shock to Therapy*. — Oxford, 2000. — P. 28).

ограниченной и устанавливалась административно). Относительное равенство в распределении доходов, в свою очередь, обусловило отставание в развитии розничных рынков и общества потребления.

Стратегия реформ для приобретающего класса заключалась в поддержке перехода к рыночной системе, его не слишком заботила приватизация государственной собственности. Этот класс стремился к утверждению буржуазных принципов распределения ресурсов, то есть к усилению, расширению и получению прибыли с рынка. Он поддерживал репрезентативные политические институты как формы координации и гражданское общество как предпосылку собственного развития (свободу передвижения по всему миру и свободную прессу), а заодно платформу для критики существующего порядка.

Лично Горбачев, во всяком случае в первые годы реформ, был сторонником этой позиции. Монетаризация экономики, включая стимулы труда, сработала бы только при наличии доступных для приобретения товаров и услуг. Радикальный реформатор-экономист Аганбегян отмечал: “Все преобразования направлены на обеспечение потребностей потребителя. Реформирование цен, финансовой и банковской системы; переход от централизованного предложения к индустриальному; возвращение в перспективе к конвертируемому рублю; и в целом техническое обновление и восстановление — все преследует эту цель”¹. Среди представителей реформаторского движения были весьма популярны мессианские идеи в духе меланезийского культа возвращающихся предков — вместе с лодкой капитализма вернется все, что отобрали коммунисты и чего так не хватало при социализме².

Впрочем, при государственном социализме этот потенциально восходящий класс не мог открыто пропагандировать идеологию капитализма, предполагавшего приватизацию собственности и переход к всеохватывающей рыночной системе. Они были лишены права организовываться или провозглашать контридеологию (идеологические изменения должны были утверждаться высшей элитой, а не мятежной контрэлитой). В ранний период трансформации административный класс и приобретающий класс в своих кругах поддерживали “рынок”, но не приватизацию государственной собственности. Это четко демонстрирует голосование элит, принадлежащих к этим группам. В Верховном Совете РФФСР в июле 1990 года “реформы Силаева”, введшие рынок в России, поддержали 70% правительственных чиновников и партийных руководителей и более 80% депутатов, в прошлом профессионалов или управленцев. Но когда речь заходила о приватизации, в правительственной и партийной элите обнаруживались разногласия. В декабре 1990 года вопрос о введении частной собственности не прошел.

¹ Aganbegyan A. The Challenge: Economics of Perestroika. — London, 1987.

² Один из депутатов Госдумы России сказал так: мы должны двигаться к такому социализму, как в Швеции, Австрии, Финляндии, Норвегии, Голландии, Испании и Канаде (sic), где рабочие живут в четыре-пять раз лучше рабочих в СССР (Выступление Ч.Айтматова // Первый съезд народных депутатов СССР: 25 мая — 9 июня 1989 года. — М., 1989. — Т. 2. — С. 290). Я в неоплатном долгу перед Стивеном Уайтом, который нашел для меня ссылку на это выступление.

Против этого проголосовали почти 70% представителей политических элит, а среди профессионалов так проголосовали 40%¹.

Как восходящие классы, поддерживающие рыночную систему в сфере торговли и рыночную оценку труда, они отличались от восходящих капиталистических классов по Марксу. У них не было стремления к накоплению капитала, и административный класс по мировоззрению был скорее бюрократией, нежели предпринимателями.

В литературе в качестве восходящего класса при государственном социализме предлагается рассматривать еще одну группу по классовому интересу: иностранный капитал.

Глобальный политический класс

Из-за автаркической природы контролируемой государством экономики транснациональный капиталистический класс был слабо представлен в обществах государственного социализма. Теоретики мировой системы, такие как Чейз-Данн², и критические марксисты, такие как Биннз, Клифф и Харман³, обсуждали роль глобальной экономики в СССР, но не связывали этот анализ с текущими преобразованиями.

В социалистических странах роль транснациональных корпораций была относительно небольшой, даже в Центральной Европе. Прямые иностранные инвестиции в социалистические государства к середине 1980-х годов почти не были распространены⁴. Расширение торговых соглашений между Востоком и Западом сделало возможным обмен лицензиями и разработками, возникновение совместных предприятий (обычно это означало, что западные фирмы поставляли ключевые компоненты)⁵. Но транснациональных корпораций в социалистических странах не было. До 1975 года было создано всего пять совместных предприятий с участием стран СЭВ и Запада⁶. Но социалистические страны уже существенно различались между собой. В Польшу и Венгрию, начиная с 1970-х годов, поступали незначительные, но ощутимые западные инвестиции. В 1980 году Венгрия имела 8 совместных предприятий, в 1986-м — уже 66 с общим капиталом \$80 млн⁷. В 1986 году Венгрия давала предприятиям право (с незначительными ограничениями) участвовать в международной торговле. «Политика стимулирова-

¹ См.: Lane D., Ross C. The Transition from Communism to Capitalism. — New York, 1999. — P.129–133.

² Chase-Dunn C. Socialist States in the World System. — Beverly Hills, 1982.

³ Binns P., Cliff T., Harman C. Russia: From Workers' State to State Capitalism. — London, 1987. Здесь использовано утверждение о том, что накопление капитала в России определяется «конкурентным давлением окружающего мира» (там же. — С. 91).

⁴ Экспорт капитала также был очень мал, но в данной работе это не обсуждается.

⁵ Относительно 1970-х годов детальнее см.: Wilczynsky J. The Economics and Politics of East-West Trade. — London, 1969. — P. 382–383. См. также: Gunder F.A. Crisis: In the World Economy. — London, 1980. — P. 194–202.

⁶ Данные см.: Socialist Countries' Enterprises Abroad: New Trends // CTC Reporter. — 1987. — № 24. — P. 22.

⁷ Данные см.: Sklair L. Globalisation. — Oxford, 2002. — P. 226.

ния совместных предприятий в Венгрии является составляющей экономической политики, основными задачами которой являются дальнейшее продвижение экономических реформ и как можно более полная интеграция национальной экономики в мировую”¹.

В СССР иностранные компании находились под строгим надзором, некоторые (например, “Pepsi Cola” и “Fiat”) получили лицензию на выпуск продукции под контролем правительства. Существовали также ограничения на количество иностранных владельцев. Лишь в середине 1980-х годов правительство стало поощрять создание СП. При Горбачеве происходила либерализация торговли, создавались специальные зоны благоприятствования совместному предпринимательству и свободные экономические зоны, которые, тем не менее, оказались недостаточно эффективными². В 1987 году были достигнуты принципиальные договоренности о создании СП с 20 иностранными фирмами, еще 200 предложений изучались³. В 1987 году в СССР из примерно 100 заявлений на инвестирование в СП всего 3 были удовлетворены⁴, а всего совместных предприятий даже в 1989 году насчитывалось только 23. Позже, благодаря политике перестройки, их количество значительно возросло и в 1990 году достигло уже 1572⁵. Но эти инвестиции были относительно небольшими и недостаточными. Единственную крупную инвестицию (\$1 млрд) сделал в 1989 году “Fiat” в производство автомобилей.

Общества государственного социализма являлись полупериферией капиталистической мировой системы⁶. Капиталистические классы, доминирующие на Западе, были исключены из аппарата обществ государственного социализма (что, возможно, объясняет политическую враждебность гегемонических западных государств во главе со США). Международные торговые операции контролировались государственно-административным аппаратом⁷. Капиталистические предприятия были своеобразными островками в океане централизованного планирования. Транснациональный капиталистический класс не мог существовать в прокрустовом ложе стран государственного социализма. Таким образом, в этих странах не было латентного восходящего класса международного капитала с тенденцией к образованию нового господствующего капиталистического класса. Импульс к изме-

¹ *Matonyi J.* The Legal Framework for Joint Ventures in Hungary // CTC Reporter. — 1987. — Vol. 23. — P. 52–53. Цит. по: *Sklair L.* Globalisation. — P. 226.

² См.: *Sklair L.* Globalisation. — P. 226.

³ Данные см.: *Socialist Countries Enterprises Abroad: New Trends* // CTC Reporter. — 1987. — № 24. — P. 21.

⁴ *Sklair L.* Globalisation: Capitalism and its Alternatives. — Oxford, 2002. — P. 225.

⁵ Economic Commission for Europe // East-West Joint Ventures News Letter. — 1989. — № 3. Данные см.: *Gutman P.* The Opening of the USSR to Foreign Capital // Lavigne M. The Soviet Union and Eastern Europe in the Global Economy. — Cambridge, 1992. — P. 135.

⁶ Обоснование см.: *Lane D.* Global Capitalism and the Transformation of State Socialism // Tabata S., Iwashita A. Slavic Eurasia's Integration into the World Economy and Community. — Sapporo, 2004. — P. 27–60.

⁷ Уровень административного контроля за предприятиями, имеющими деловые контакты на Западе, в конкретных странах мог быть разным. Однако западные компании не были автономными владельцами активов в социалистических странах.

нениям должен был поступить извне. Общение между внутренними политической и экономической элитами, с одной стороны, и глобальными и международными элитами — с другой, явилось потенциальной движущей силой системных изменений. Как же государство могло отреагировать на интересы глобального капиталистического класса?

Национальное государство и глобальный капиталистический класс

В рамках традиционного марксистского анализа буржуазия и рабочий класс являются национальными по форме и сознанию, и это усложняет анализ класса как глобального феномена. Представление о том, что капиталистический класс использует национальное государство для защиты национальных интересов капитала, не учитывает специфических конфигураций капиталистической власти в разных национальных государствах. Можно выделить две функции государства: в национальной экономике — это аппарат господства капиталистического класса, в мировой системе государств — аппарат защиты интересов национальных капиталов. Следовательно, политика государств должна меняться в зависимости от превалирования либо национальных, либо интернациональных интересов¹.

Как отмечалось выше, в обществах государственного социализма, несмотря на отдельные вкрапления торгового и коммерческого взаимодействия с Западом (в частности, в Центральной Европе), не было внутреннего проникновения капитала. Через глобальную политическую элиту глобальный капиталистический класс ощутило влияние на продвижение системы к коллапсу и направление дальнейших преобразований. Решающую роль в начале пути к политическому (электоральному) и экономическому рынкам, а затем и к приватизации сыграла поддержка со стороны международных *политических элит*. Важно не путать глобальные политические элиты (агенты изменений) с фракциями капиталистического класса глобального масштаба.

Гегемония США на международной арене явилась решающим фактором распространения капитализма в мире. В 1980-х годах они не только экономически и политически разрушили социалистические государства, но и предложили крайне привлекательные для масс образ и идеологию. Таким путем внешние агенты влияния обеспечили необходимую почву народной революции, сразу же одобрительно обозначенную как “движение к рынку” и демократизация. Именно политические альянсы между внутренними *политическими элитами*, в частности поощряемые Горбачевым и Шеварднадзе, и представители внешних глобальных *политических элит* (Джордж Буш, Гельмут Коль, Билл Клинтон, Маргарет Тэтчер), а не глобальный капиталистический класс, который, действуя через промежуточные звенья в бывших коммунистических странах, обуславливает развитие капитализма компрадорского типа, были ведущими агентами изменений. При этом под гло-

¹ Турция и Франция сейчас имеют сильное национальное направление, тогда как Великобритания всегда имела мощное интернациональное. Таким образом, в отличие от Франции, в Британии не оказывают сопротивления поглощению британских компаний. Англо-американский вариант капитализма действительно способствует глобализации или интернационализации компаний.

бальной политической элитой я имею в виду международных акторов, влияющих на формирование глобальной политико-экономической стратегии¹. К таковым относятся главы международных экономических и политических организаций (таких как МВФ и ЦРУ), ведущие профессионалы неправительственных организаций глобального масштаба, национальные политики и руководители с глобализационными ориентациями². Обратите внимание, что сейчас я использую не марксистское понятие экономического класса, а предложенную ранее более широкую концепцию политического класса. Политические и экономические элиты находятся под влиянием глобального капиталистического класса, но не принадлежат к нему.

Конкретизировать толкования международного “пакта политических элит” трудно. Переговоры по этому поводу не просто секретные, они не легитимированы общественностью. Мои исследования мнений советской и российской политических элит времен Горбачева³ и Ельцина⁴ подтвердили существенное влияние Запада. Что касается международной политики, распространения частной собственности и движения к рынку, члены горбачевской политической элиты считали, что больше всего на руководство страны повлиял “демонстрационный эффект” — “необходимость продемонстрировать Западу, что Горбачев всерьез говорит об экономических реформах”. Важнейшими союзниками Горбачева были внешние силы. Как отмечал советник Горбачева Андрей Грачев: “Задачей [его внешней политики] было не защитить СССР от внешней угрозы и обеспечить ... внутреннюю стабильность, а почти противоположное: использовать связи с внешним миром как дополнительный инструмент внутренних изменений. Он пытался превратить Запад в своего союзника в политической борьбе против консервативной оппозиции внутри страны, поскольку это и был его настоящий политический фронт”⁵.

Взгляды представителей ельцинской элиты свидетельствовали о том, что ведущие члены правительства действительно мало учитывали влияние

¹ Я называю эту группу глобальной политической элитой, а не глобальным политическим классом во избежание неоднозначного использования термина “класс”. Это по характеру напоминает идею политического класса Москвы.

² Мировой экономический форум можно считать политической элитой этого политического класса (ежегодно в январе в Давосе собираются руководители 1000 крупнейших глобализированных компаний мира и 33 национальных лидера, в том числе нередко и Президент Соединенных Штатов). См.: www.weforum.org.

³ В 1993 году было опрошено 116 человек, которые в период с 1984-го по 1991 год принадлежали к политической элите, в том числе членов властной элиты, занимавших должность министра или приравненную к ней, секретарей ЦК КПСС и председателей или заместителей председателей ее комитетов в период с 1985-го по 1991 год. Подробнее см.: Lane D. *The Gorbachev Revolution: The Role of the Political Elite in Regime Disintegration* // *Political Studies*. — 1996. — Vol. XLIV. — P. 4–23.

⁴ Опрос проводился весной и летом 1994 года среди 100 представителей ельцинской элиты (членов правительства Российской Федерации, законодателей из Госдумы России и руководителей партий и групп, прошедших в парламент). Подробнее см.: Lane D. *The Transformation of Russia: The Role of the Political Elite* // *Europe-Asia Studies*. — 1996. — Vol. 48. — № 4. — P. 535–549.

⁵ *Grachev A. Russia and the World* // *Proceedings of the Annual Conference of the British National Association for Slavic and East European Studies*. — Cambridge, 1995. — P. 3.

иностранцев, в отличие от парламентариев-законодателей и партийных групп. Аналогичная ситуация наблюдается и во взглядах элиты на поддержку формирования демократической рыночной системы: представители ельцинской исполнительной власти решительно отвергали влияние Запада, тогда как законодательная и партийная элиты подчеркивали роль иностранного фактора¹. Разумеется, ельцинская правительственная элита не могла публично признать, что находится под влиянием Запада, или, говоря языком теории государства, была ограничена в своих действиях глобальными интересами капитала, действующего при посредничестве иностранных правительств.

Если представить капитализм в международной, глобальной перспективе, станет очевидным, что глашатаями капиталистической революции в посткоммунистических странах были международные политические элиты. Более конкретные предпосылки построения капитализма и его интеграции в глобальный порядок следует искать в требованиях касательно рыночной среды со стороны МВФ и других структур, таких как Совет Европы и Европейский Союз. Они оказывали значительное и зачастую неосознанное влияние на внутреннюю экономическую и социальную политику посткоммунистических стран — особенно стремившихся вступить в Европейский Союз. Главной целью гегемонистских западных сил была имплантация неоконсервативной экономической политики и политической полиархии. “Экономическая демократия”, предусмотренная Вашингтонским соглашением, включает индивидуальные права на частную собственность, приватизацию предприятий, дерегуляцию, ограничение функций государства, в том числе дистрибутивной, и открытую для глобального рынка экономику².

Между ЕС и странами Центральной и Восточной Европы был заключен ряд Европейских соглашений. Уже в декабре 1990 года ЕС вел переговоры с Чехословакией, Венгрией и Польшей относительно содержания общего соглашения, подписанного в декабре 1991-го. Целью этих соглашений было урегулирование отношений между ЕС и странами Центральной и Восточной Европы. Эти соглашения предшествовали вступлению в ЕС — они касались свободной торговли, финансовой и технической помощи и поощряли разработку законов, отвечающих общему рынку (о государственных субсидиях, свободной конкуренции и т.п.). В июне 1993 года на Заседании Копенгагенского совета было принято обязательство открыть двери для членства в ЕС при условии соблюдения “Копенгагенских критериев”. Кодификация этих критериев предполагала:

- существование дееспособной рыночной экономики и способность выдерживать давление конкуренции и рыночных сил в рамках Союза;
- способность взять на себя членские обязательства, в частности верность целям политического, экономического и валютного союза.

Административные и судебные структуры стран, намеревающихся присоединиться к ЕС, должны быть такими, чтобы “законодательство Европей-

¹ См.: Ibid. — P. 540–542.

² См.: Williamson J. What Washington Means by Policy Reform // Williamson J. Latin American Adjustment: How Much Has Happened? — Washington, 1990. — P. 8–17.

ского сообщества, имплементированное в законодательство страны, [могло] применяться эффективно”¹.

Именно в этом проявляются интересы глобального капиталистического класса, поскольку эта политика определяет принципы развития капитализма и противодействует развитию других его форм, независимо от того, базируются они на социальной демократии или на корпоративизме.

Народ: поддержка и сопротивление преобразованиям

Каков же тогда уровень поддержки движения к капитализму, рынкам и либеральной демократии и каков прогноз дальнейшего хода событий? Возможно ли превращение посткоммунистических стран в стабильные демократии западного типа с хорошо развитым правящим буржуазным классом и лояльным населением, а может быть, существует возможность радикальных контрдвижений “народа” против проявлений капитализма?

Силу или слабость, стабильность или преходящесть капиталистического общества можно проанализировать в терминах концепции гражданского общества. Гражданское общество отличается автономией промежуточных, то есть принадлежащих к средним слоям групп от сферы действия государства. Его образуют два основных компонента. Во-первых, экономические ассоциации, которые формируются группами владельцев частных активов, используемых для получения прибыли и реализуемых через рынок, за которым стоит класс буржуазии². Второй составляющей являются социальные и политические ассоциации, в том числе политические партии и неправительственные организации. В первой, экономической сфере можно найти движущие силы и основной источник поддержки капитализма, вытекающей из частной собственности на капитал. Вторая сфера — это пространство, в котором соответствующие ассоциации могут формироваться и/или противостоять государству как легитимной форме власти. В мировом масштабе события разворачивались в направлении интернационализации гражданского общества, когда экономические институты (компании и руководящие органы) глобализируются, что ослабляет руководящую роль государств в пользу международных органов, каковыми являются МВФ и международные глобальные компании. Но эту тему мы здесь не будем рассматривать.

Гражданское общество в посткоммунистических странах остается слабым в обеих этих сферах. Характерной особенностью переходных обществ всегда была шаткость этих промежуточных групп — и накануне эры государственного социализма, и после ее завершения. Как мы отмечали выше, когда рассматривали классы, при государственном социализме не было ни буржуазии, ни связей с рыночным обществом. Для осуществления экономической и политической координации не требовалось демократических (или олиархических) институтов, а для выражения интересов — создания партий, поскольку координация осуществлялась в рамках государственного аппарата. Большинству посткоммунистических стран в значительной мере недоставало побудительной энергии буржуазии и сильных “неправительст-

¹ См.: European Union Website: <http://europa.eu.int/comm/enlargement/intro/criteria.htm#Accessioncriter>

² См.: *Gouldner A. W. The Two Marxisms.* — New York, 1980.

венных организаций, объединяющих людей ради общего дела... организаций, которые предоставляют гражданам возможность участвовать в местной и муниципальной жизни...”¹.

Буржуазия тут слабо выражена как внутренний класс. Всем бывшим обществам государственного социализма не хватает накоплений, сопоставимых по уровню с капиталами развитых европейских обществ². В постсоциалистических странах уровень внутренних инвестиций на порядок ниже уровня современных капиталистических государств: например, в 2001 году в странах с высоким уровнем доходов средний показатель внутреннего кредитования частного сектора ВВП составлял 137,4, в странах с низким уровнем доходов — 24,1, а в среднем по постсоциалистическим странам — 21. Зато в Японии — 190, а в Китае — 125. Только Чехия и Хорватия приближаются к показателям стран со средним уровнем доходов, а остальные 13 посткоммунистических стран не дотягивают даже до показателей стран с низким уровнем доходов³. Отсутствие стремления к накоплениям характерно как для дореволюционной, так и для постсоветской России, когда многие ведущие предприниматели и бизнесмены были выходцами из нерусских этнических групп; но даже такие предприниматели, как Роман Абрамович, отличаются скорее сверхпотреблением, нежели деловыми качествами. В таких странах, как Россия и Украина, действенной формы современного капитализма не создано, к тому же я сомневаюсь, что современный капитализм вообще сформирован. Поэтому, как и при государственном социализме, роль движителя прогресса берет на себя государство.

Хотя социальные связи при государственном социализме были значительно шире, чем зафиксировано в многочисленных работах по проблеме гражданского общества⁴, они в значительной мере прямо или опосредованно зависели от государства. Создание гражданского общества “сверху”, поддерживаемое в посткоммунистический период преимущественно Западом, оказалось не совсем удачным, и характерные для гражданского общества организации, не имевшие иностранной донорской поддержки, оставались нестабильными. Транзитологи считают, что ассоциации гражданского общества по своей сути являются оплотами стабильного демократического общества. Своим вкладом они обеспечивают легитимность демократическим процессам.

За исключением профсоюзов, количество членов таких организаций в постгосударственно-социалистических странах остается незначительным. Так, участие в организациях по соблюдению прав человека и по проблемам третьего мира гораздо меньше, чем в западных странах (см. табл. 1, 2).

¹ Взято из официально принятого Евросоюзом определения гражданского общества (цит. по: *The Role and Contribution of Civil Society Organizations in the Building of Europe*, Subcommittee Civil Society Organizations, Brussels, 22 September (CES 851/99 D/GW)).

² См.: *Lane D., Myant M. Varieties of Capitalism and Post-Communist Societies*. — London, 2001. — Ch. 1.

³ См.: *Lane D. Emerging Varieties of Capitalism in Former State Socialist Societies // Competition and Change*. — 2005. — Vol. 9. — № 3. — P. 234–235.

⁴ См.: *Lane D. Civil Society and the Imprint of State Socialism // Participation of Civil Society in New Modes of Governance. The Case of the New Member States: Forschungsstelle Osteuropa Bremen, Arbeitspapiere und Materialien*. — 2005. — P. 7–16.

Таблица 1

Членство в волонтерских организациях*

Страны (в среднем)	Профсоюзы		Политические партии	
	А	В	А	В
Великобритания, Германия, Испания	7,2	1,0	2,5	1,3
Новые члены ЕС	10,3	2,3	0,4	0,2
Посткоммунистические страны, не являющиеся членами ЕС — Россия, Украина, Хорватия, Беларусь	22,1	4,0	0,5	0,3
Все бывшие общества государственного социализма	11,3	3,3	0,5	0,2

* А: В какие ассоциации Вы входите (если входите)?

В: Для каких ассоциаций Вы сейчас выполняете добровольную неоплачиваемую работу (если выполняете)?

Приводится процент респондентов, ответивших утвердительно.

Рассчитано по: The European Values Study: A Third Wave. Source book of the 1999/2000 European Values Study Surveys. Loek Halman. Tilburg University. Nd. Accessed on Internet website, Jan. 2005.

Таблица 2

Членство в ассоциациях по защите прав человека и по проблемам третьего мира в сопоставлении с ВВП на душу населения, 2002*

Страна	Ассоциации по правам человека и по проблемам третьего мира	ВВП на душу населения 2002
Россия	0,0	7,820
Беларусь	0,7	5,330
Украина	0,2	4,560
В среднем для всех стран Европы	0,5	17,655
В среднем для старых членов ЕС	1,9	26,120
В среднем для новых членов ЕС	0,2	10,625
В среднем для нечленов	0,2	—

* ВВП измерен в тыс. долл. США; участие в организациях по правам человека и по проблемам третьего мира — в процентах респондентов, ответивших утвердительно; корреляция с показателем ВВП

коэффициент Пирсона R = 0,634.

Рассчитано по: European Social Survey; World Development Report 2004, p. 252–253.

Период трансформаций породил “выигравших” и “проигравших”, чьи классовые основания четко прослеживаются. Многочисленные исследования показали, что классовая принадлежность (определяемая по профессионально-должностной позиции) непосредственно обуславливает неравное

участие в распределении ресурсов¹. Выигрыш новых классов владельцев имущества в смысле доходов, личной безопасности и жизненных шансов был непропорционально большим, тогда как работники физического труда и крестьяне многое теряли. Интеллигенция имела амбивалентные достижения. Прослеживается четкое классовое разделение, касающееся заинтересованности и выигрышей от радикальных политических и экономических изменений. Исследования показали также усиливающуюся радикализацию и дальнейшее развитие классового сознания, особенно среди тех, кто проиграл в трансформационный период². Это касается не только стран бывшего СССР, но и Центральной Европы. Однако в этих исследованиях отсутствует анализ роли разных классов в процессе исторических изменений.

Поддержка программы реформ имела социально дифференцированный характер. Члены административного класса выиграли; те, кого я назвал “приобретающим классом”, и интеллигенция имели неоднозначные достижения; сказывалась существенная возрастная дифференциация. Спротивление провозглашенным реформам в посткоммунистических обществах оказывали низшие социальные слои, старшие и менее образованные члены общества. Почти нет доказательств существования весомых классовых организаций с широкой социальной базой, в отличие от интенсивного создания организаций бизнесменов и предпринимателей. Политические партии всегда были слабыми, с незначительным уровнем поддержки и неустойчивым электоральным полем. Массовые протестные движения тоже были относительно слабыми (немало движений протеста типа цветных революций финансировались и поддерживались экзогенными организациями, ориентированными на содействие рыночным реформам и плюралистическому политическому строю). Недоразвитость капиталистического класса также приглушала его классовое сознание, потому и оппозиция определяется по отношению к весьма расплывчатым объектам — госадминистрации, властным фигурам и формам национальной идентичности.

Западные правительства большое внимание уделяли усилению ассоциаций гражданского общества. При этом они руководствовались тем, что сильное гражданское общество должно обеспечивать политическую стабильность. Хотя в действительности существует позитивная корреляция между силой гражданского общества и “стабильной демократией”, система ассоциаций гражданского общества может быть почвой социальных протестных движений и служить для мобилизации оппозиции. Однако в лите-

¹ *Evans G., Mills C.* Are there Classes in Post-Communist Societies? A New Approach to Identifying Class Structure // *Sociology*. — 1999. — Vol. 33. — № 1; *Slomczynski K.M., Shabad G.* Structural Determinants of Political Experience: A refutation of the ‘Death of Class’ Thesis // *Slomczynski K.* Social Patterns of Being Political. — Warsaw, 2000.

² *Szelenyi I., Fodor E., Hanley E.* Left Turn in PostCommunist Politics: Bringing Class Back // *East European Politics and Societies*. — 1997. — Vol. 11. — № 1; *Mateju P., Rehakova B.* Turning Left or Class Realignment? Analysis of the Changing Relationship between Class and Party in the Czech Republic, 1992–1996 // *East European Politics and Societies*. — 1997. — Vol. 11. — № 3. — P. 501–542. Авторы пришли к выводу, что связь между классом и партией в этот период усилилась. См. также: *Куценко О.* Самоидентификации с классами: проявление образа классовой структуры постсоветского общества // *Макеев С.* Классовое общество, теория и эмпирические реалии. — К., 2003.

ратуре, посвященной трансформационному периоду, роли организаций гражданского общества в развитии движений сопротивления плюралистическим или демократическим институтам как с правыми, так и с левыми лозунгами уделяется мало внимания. Политическая стабильность постсоциалистических стран могла быть результатом консенсуса элит, которые тем самым не только вели свои страны к обществу рыночного типа, но и нейтрализовали идеологическую оппозицию. Несмотря на большое количество формальных членов профсоюзов, они в основном деидеологизированы и экономически ориентированы. Всем обществам бывшего государственного социализма было присуще нарастание напряженности¹. Правящий и буржуазный классы там крайне слабы, что и создает предпосылки для нестабильности. Заметим также, что именно слабость гражданского общества предотвратила усиление контрэлит и социальных движений неимущих против внедрения рынка, частной собственности и т.п.

Выводы

“Трансформациям” в обществах бывшего государственного социализма в Центральной и Восточной Европе недоставало отдельных черт классических революций: насилия, харизматичных лидеров, идеологического видения и сопротивления власти имущих. Хотя некоторые ученые часто называют коллапс и преобразования “революцией”, большинство считает трансформацию системными изменениями, сопровождавшимися обновлением и изменением элит. Утверждают, что внедрение рынков и приватизация собственности повлекли за собой образование капиталистической системы. Отход от государственного социализма поддерживали неразвитый “приобретающий класс” и преисполненный сомнений административный класс, оказавшиеся латентными восходящими классами. Их деятельность была строго ограничена политической средой государственного социализма, и они не могли артикулировать идеологию или организовать в политическую оппозицию. Эндогенные реформаторские политические элиты, образовавшие альянс с политическими элитами гегемонистского глобального капиталистического класса, сыграли важную роль агентов изменений. Капитализм был создан сверху, а его идеология, институты и процессы определялись транснациональными организациями, хотя воплощались в жизнь властью имущими на местах.

Процесс трансформации имел сильные и слабые стороны. Слабость гражданского общества в форме как экономических классов, так и социальных и политических объединений сделала возможным “пакт” политических элит. В Центральной Европе, в новых государствах Европейского Союза, где капиталистический класс пустил корни еще в досоветский период, капиталистический класс оказался более сильным. В государствах на территории бывшего СССР (за исключением Прибалтики) государственный социализм был сильнее, поскольку имел внутренний революционный базис. Элиты обнаруживали больше разногласий, заключить “пакт элит” было

¹ Е. Головаха и Н. Панина, например, обнаружили рост уровня напряжения в Украине (Головаха Е.И., Панина Н.В. Потенциал протеста украинского общества // Социологические исследования. — 1999. — № 10. — С. 31–40).

сложнее. При Горбачеве для продвижения радикальных реформ была необходима поддержка экзогенных политических сил. Экономическая слабость гражданского общества обусловила появление сильной буржуазии, способной к накоплению капитала, но имеющей неразвитое политическое сознание, а потому несостоятельной как правящий класс. В своей политической и социальной форме “гражданское общество” также неадекватно. Это означает не только неадекватность выражения интересов населения, а и то, что собственно слабость и является формой стабильности. Несмотря на ширящееся неудовлетворение результатами трансформации, протестные организации, призванные защитить обездоленных, не имели успеха. Центрально-европейские государства политически привязаны к Европейскому Союзу, тогда как восточноевропейские — нет. Ожидаемый “пакт элит” ненадежен, поэтому глубинное недовольство последствиями трансформации все еще может вызвать дальнейшие системные изменения.